

Мотив убийцы. О преступниках и жертвах

С детства человеку внушают мысль: убивать нельзя ни при каких обстоятельствах. Об этом говорит Библия, чьи заповеди повторяются родителями, воспитателями, средствами СМИ, педагогами. Но все же некоторые, вырастая, решают, что им дано право на убийство. Какие же мотивы преследует убийца? Ответ на этот вопрос читатель найдет в книге выдающегося отечественного психолога и юриста Сергея Викторовича Познышева.

С. В. Познышев

МОТИВ
УБИЙЦЫ
О ПРЕСТУПНИКАХ
И ЖЕРТВАХ

Издательство
«КНТ»
Киев – 2021

УДК 343.95
П 47

Познышев С. В.

П 47 Мотив убийцы. О преступниках и жертвах / С. В. Познышев. — Киев: Изд. «КНТ», 2021. — 304 с.

ISBN 978-611-01-2479-9

С детства человеку внушают мысль: убивать нельзя ни при каких обстоятельствах. Об этом говорит Библия, чьи заповеди повторяются родителями, воспитателями, средствами СМИ, педагогами. Но все же некоторые, вырастая, решают, что им дано право на убийство. Какие же мотивы преследует убийца? Ответ на этот вопрос читатель найдет в книге выдающегося отечественного психолога и юриста Сергея Викторовича Познышева.

УДК 343.95

ISBN 978-611-01-2479-9

© Познышев С. В., 2021.
© Издательство «КНТ», 2021.

ВВЕДЕНИЕ

Криминально-психологическое изучение преступника, его задачи, необходимость и значение

Преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника и сплетается из особенностей его конституции, а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь. Те элементы, из которых слагается «личный» корень преступления, можно назвать эндогенными факторами, а те внешние события, которые толкнули субъекта на преступление, – экзогенными факторами этого преступления. В происхождении каждого преступления участвуют и те и другие факторы, только в одних случаях преобладающая роль принадлежит факторам эндогенным, а в других, наоборот, – экзогенным. Но ни одно преступление нельзя объяснить исключительно внешними причинами, игнорируя особенности совершившей его личности. Нарисуйте какую угодно цепь внешних событий, все равно для того, чтобы под давлением их произошло преступление, необходимо прибавить к ним известный склад личности. Личность иного склада, в тех же условиях, или совершит иное преступление, чем данное, или вовсе не совершит преступления, а найдет иной выход из своего положения – может быть, кончит самоубийством, пойдет просить милостыню, помирится с родственниками, с которыми была в ссоре, и попросит у них прощения, переменит профессию, вступит в выгодный брак и т. д. Если же нарисовать картину таких условий, при которых для человека исчезает возможность выбора и он фатально влечется к известной форме реакции на полученные им впечатления, то к таким случаям не может быть прилагаемо понятие преступления. Это – несчастные случаи, которые не могут влечь за собой никакой уголовной ответственности. Преступление предполагает вину – умысел или неосторожность, – а вина показывает, что в личности совершившего преступление есть нечто, что послужило корнем этого преступления. Проявившаяся в том или ином преступлении вина есть преходящее конкретное настроение, которое сложилось у человека под влиянием двух сил: действия на него различных

событий, происходивших в окружающей среде, с одной стороны, и его психической конституции – с другой. Заключается ли преступление в том, что человек совершил нечто запрещенное уголовным законом, или не выполнил того, что уголовный закон предписывает, т. е. заключается ли оно в наказуемом содеянии или в бездействии, оно всегда есть волевой акт и, как таковой, представляет собою известную моторную реакцию на полученные индивидом впечатления. В основе этой реакции лежит выбор из представлявшихся возможностей, а в этом выборе проявляется вся духовная личность преступника с присущим ей запасом жизненного опыта, с ее способностью или неспособностью предвидеть более или менее далекое будущее, с накопившимися у нее волевыми навыками и тенденциями к определенным видам поведения. Когда человек совершает преступление, он предварительно решает вести себя определенным образом. В его сознании появляется мысль об известном поведении и, так сказать, получает санкцию; при этом, быть может, он даже ошибочно рисует себе результат этого поведения. В тех случаях, когда он действует умышленно, он сознает, что его деятельность составит или будет иметь своим последствием преступление; его решение поступить определенным образом складывается тогда при наличности этого сознания. Когда он совершает преступление по неосторожности, он решает поступить известным образом, или не предвидя преступных последствий своего поведения, при возможности, однако, их предвидеть, или предвидя их, но легкомысленно рассчитывая, что они будут предотвращены настоящим или будущим вмешательством определенных факторов. Для того чтобы вполне правильно оценить виновника того или иного преступления, с точки зрения большей или меньшей опасности его для правопорядка, необходимо учесть, с одной стороны, те элементы его личности, которые влияли на сделанный им выбор положительным образом, т. е., так сказать, склоняли к нему, а с другой стороны, – те, которые служили источником мотивов, удерживавших или отталкивавших от преступления и подсказывавших иной выход из создавшегося положения. Иными словами, мы должны учесть все, что, так сказать, криминогенно и криминорепульсивно в свойствах данной личности. Соотношением элементов этих двух категорий и

определяется степень опасности, представляемой данной личностью для правопорядка. Таким образом, глубокое понимание преступления предполагает не только исследование его внешней стороны и установление вины преступника, но и выяснение того отношения, которое существует между виной, как отдельным настроением личности, и конституцией этой личности. Этим отношением и определяется, в каком смысле и в какой степени данный субъект опасен для правопорядка, как велика вероятность повторного преступления с его стороны.

Из сказанного ясно, что одного учения о разных формах вины и обстоятельствах, влияющих на них в ту или другую сторону, недостаточно. Необходимо еще психологическое учение о преступной личности в ее целом, которое раскрывало бы нам те типичные складки этой личности, на почве которых вырастают проявляющиеся в различных преступлениях разнообразные оттенки умысла и неосторожности.

Крайне ошибочно было бы думать, что преступный мир можно и нужно изучать лишь с точки зрения психопатологической или, хотя бы шире, медицинской, т. е. лишь со стороны обнаруживающихся у его представителей отклонений от того, что считается физическим и душевным здоровьем человека. Никто не станет, разумеется, оспаривать важности такого изучения, но, если не терять из виду современного взгляда на уголовное наказание, необходимости глубокого ознакомления с личностью подсудимого в уголовном процессе и чрезвычайно сложных и быстро растущих задач педагогического характера, стоящих перед пенитенциарными учреждениями, то нельзя ни минуты сомневаться, что такое изучение не является ни единственно возможным и нужным, ни даже главным и самым важным для успешной борьбы с преступностью. Конечно, судье или следователю важно знать, болен или здоров стоящий перед ними преступник, но им важно и нужно знать не только это, а и многое такое о личности этого человека, что выходит далеко за пределы врачебного исследования. Значительный процент преступников – и часто преступников очень тяжких – здоровы, но это не значит, что они представляют однородную, сплошную массу, которую не стоит изучать со стороны особенностей составляющих ее индивидов; наоборот, среди этой

части преступного мира существует масса разнообразнейших типов, которые очень важно различать как для профилактики преступности, так и для борьбы с последней мерами уголовного правосудия. С другой стороны, и у тех преступников, которые хотя и не лишены известных патологических черт, но тем не менее признаны не нуждающимися в содержании в психиатрическом учреждении и уголовно ответственными, немало таких особенностей в психическом складе, которые стоят за пределами врачебного исследования и не обнимаются им, но знание которых очень важно для принятия в отношении этих преступников действительных мер, а иногда даже и для понимания, во всей их полноте и своеобразии, присущих им патологических черт. К таким преступникам принадлежат многие лица, страдающие неврастенией, истерией, эпилепсией, лица, обозначаемые расплывчатым и неопределенным термином психопатов, и т. п. Если они признаны виновными и виновными, то должны подлежать уголовной ответственности, но последней следует придать особый характер, определяющийся, с одной стороны, их патологическими, а с другой – криминогенными чертами.

Для того чтобы разумно решить, какие меры надо применить к тому или иному преступнику в целях удаления его с преступного пути, нужно, во-первых, знать, что именно в его личности послужило корнем его преступления и каким изменениям должны подвергнуться эти элементы его личности, а во-вторых – какого рода психологическому воздействию должен он подвергнуться для того, чтобы было достигнуто то именно изменение его личности, которое необходимо в общественных интересах. Для решения этих вопросов необходимо выяснить, к какой разновидности преступного мира принадлежит данный субъект, и иметь ряд общих сведений о присущих представителям этой разновидности криминогенных особенностях и о целесообразных способах воздействия на них. Криминальная психология и должна дать твердые основания для решения всех этих вопросов. Кратко ее можно определить как психологию борьбы с преступностью. Она рассматривает преступление как проявление психической конституции личности. Она устанавливает и исследует различные типы преступников (криминальная типология), а также признаки и приемы их

распознавания (криминальная дифференциальная диагностика). Она устанавливает те типы психологического воздействия, которым, для целей уголовной юстиции, должны подвергаться носители разных криминальных типов (криминальная педагогика). Она изучает, наконец, психические процессы, которые находят свое выражение в судебном и досудебном исследовании преступления и преступника. Говоря вообще, она изучает все те психические состояния личности, которые оказывают то или иное влияние на уголовную ответственность. Психические состояния, при которых уголовная ответственность отпадает совершенно, – так называемые состояния невменяемости – лежат за ее пределами. Подобно тому, как психология изучает душевную жизнь душевно здоровых людей, оставляя психиатрам обширную область разнообразных форм болезненного расстройства душевной деятельности, криминальная психология имеет дело лишь с лицами, которые нарушили уголовный закон не в состоянии душевной болезни.

Предмет криминальной психологии составляют не отдельные психические процессы, в возможном мысленном их обособлении, а личность в известном круге ее проявлений, относящихся к области преступления или борьбы с последним. Изучение отдельных психических реакций и особенностей их течения занимает в ней некоторое место и имеет дополнительное значение. На первом плане в ней стоит личность, под действием известных обстоятельств и обстановки проявляющая себя в определенных формах поведения, относящихся к сфере преступления или борьбы с последним. Основное значение в ней имеют наблюдение поведения личности и точное научное описание отдельных фактов, ее характеризующих или объясняющих, сравнение и анализ добытых данных и установление типов. Данные для своих выводов и описаний криминалист-психолог получает путем тщательного исследования отдельных случаев преступлений и обследования их виновников, их физического и психического состояния, имущественного, семейного и социального положения, а также путем изучения отдельных уголовных процессов. Изучение различных сторон личности по данным истории ее жизни – вот путь криминалиста-психолога. К своим обобщениям он должен идти от внимательно проверенных и изученных конкретных фактов. Ему необходимо подробно

ознакомиться со всей историей жизни данного преступника, с детства и до настоящего момента. Необходимо выяснить по фактам жизни, как реагировала данная личность в различных жизненных положениях. Нужно представить себе ясную картину тех условий, в атмосфере которых складывался характер данного преступника: характер и взаимные отношения его родителей или воспитателей, материальное и социальное положение, внутреннюю жизнь семьи, характер школы, в которой учился данный субъект, что его в школе интересовало и что, наоборот, давалось ему с трудом и казалось неинтересным и т. д. Впечатления детства и юности часто оказываются роковыми для всей последующей жизни человека. Состояние родителей субъекта важно и в другом отношении – в смысле передачи по наследству тех или иных качеств и предрасположений. Словом, криминальная психология должна идти по пути возможно углубленного и полного изучения психической конституции субъекта в процессе ее постепенного образования и изменения с детства и до настоящего момента.

В качестве дополнительного приема криминалист-психолог пользуется, между прочим, и методом статистическим, но последний имеет значение в криминально-психологическом исследовании, лишь поскольку он применяется к данным, добытым или проверенным тщательным индивидуальным обследованием. Криминалист-психолог не должен во что бы то ни стало гнаться за большими цифрами; он должен главным образом стараться в немногом, но внимательно исследованном и проверенном, найти многое.

Исследование личности преступника должно вестись таким образом, чтобы оно раскрывало тот тип, носителем которого является данный субъект. Необходимо собрать возможно полные данные о состоянии преступника непосредственно перед совершением преступления, во время совершения последнего и после этого, как до суда и отбытия наказания, так и во время отбытия заключения. Между прочим, психология раскаяния преступника и психология заключенного составляют две частные проблемы криминальной психологии, среди многих других подлежащие самому тщательному изучению. Во время пребывания в карательном учреждении заключенный должен быть объектом

постоянного наблюдения, задачей которого является выяснить во всей их полноте криминогенные элементы его психической конституции и те изменения, которые в них происходят под влиянием заключения и дают основание сделать вывод, что черты преступного типа, носителем которого является данный субъект, у него бледнеют и стираются или, напротив, укрепляются, становятся ярче, развиваются. Такое наблюдение должно вестись по особой программе с возможной индивидуализацией ее в отношении отдельных заключенных. Так как криминально-психологическое исследование имеет дело с личностью в ее целом, причем главное место в нем занимает изучение эмоциональной и волевой сферы личности, мало поддающихся экспериментальному исследованию, то экспериментальные методы могут иметь лишь ограниченное значение в криминальной психологии. Однако немало и таких случаев, когда они могут служить для криминалиста-психолога ценным подспорьем, как средство обнаружить те или иные элементы конституции субъекта и наличность или отсутствие известного признака, имеющего значение для решения вопроса, носителем какого именно криминального типа является данный субъект. В настоящее время, когда закладывается только фундамент криминальной психологии и проводятся лишь общие разграничительные линии, отделяющие главные криминальные типы друг от друга, роль экспериментальных методов в криминальной психологии меньше, чем она будет с дальнейшим развитием этой отрасли знания.

Много важных и интересных для него данных криминалист-психолог может получить из разных документов, содержащих в себе те или иные сведения о прошлом личности и отдельных ее переживаниях, – из писем, дневников, сочинений преступников, вообще из разных продуктов творчества преступников – из их литературных произведений, произведений искусства (скульптурных произведений, картин и т. п.), между прочим, и из их особого жаргона и татуировок. Показателями своеобразных черт конституции преступников являются иногда особенности форм общения и организаций, складывающихся в преступном мире. Между прочим, криминалист-психолог должен

уделять большое внимание психологии преступных шаек и сообществ.

Из сказанного ясно, насколько широко и разнообразно содержание криминальной психологии. У нее есть черты сходства со многими психологическими дисциплинами, и она нередко прибегает к заимствованиям из них. В ней есть элементы специальной психологии, т. е. психологии, изучающей индивидов, выделенных по тем или иным внешним признакам – например, по полу, возрасту, национальности и т. п. В ней есть и элементы дифференциальной психологии, так как она устанавливает типы и изучает психические различия носителей разных криминальных типов. Она содержит в себе элементы генетической психологии, поскольку исследует процесс развития криминального типа, начиная с зародыша его у подростков и кончая полным развитием у взрослых преступников. В ней есть и элементы коллективной психологии, поскольку она изучает встречающиеся у преступников отклонения от того, что нормально для лиц одного с ними социального слоя, а также слагающиеся в преступном мире коллективные образования – психологию толпы, преступных сообществ и шаек. Свои руководящие точки зрения, на которые она опирается в определении пределов своих исследований и при делении изучаемых ею преступников на группы и подгруппы по родам и видам совершенных ими преступлений, она получает от науки уголовного права, что дает основание относить ее к циклу криминальных дисциплин. Она составляет как бы звено, соединяющее круг криминальных и психологических дисциплин. Несомненна и ее тесная связь с той ветвью психологических знаний, которая изучает характер и личность в ее целом. Для учения о личности и характере криминально-психологическое изучение, в свою очередь, может дать богатый материал и ряд ценных выводов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Преступный тип

I

О преступном типе чаще всего говорят как об известном «внешнем» типе, т. е. как о сочетании определенных внешних признаков, отличающих преступников от остальных людей и способных служить для их классификации и распознавания, как о типе анатомо-физиологическом или антропологическом. При этом полагают, что если внешние признаки и не исчерпывают содержания преступного типа, то все же являются основными, главными; к ним присоединяются различные психологические признаки, но они менее пригодны для целей диагностики и классификации, менее определены и ярки, а часто и менее постоянны. Как бы то ни было, им в содержании преступного типа должно быть будто бы отведено второе место; руководящее же и решающее значение принадлежит внешним признакам. Стоя на такой точке зрения, исследователи сосредоточивали свое внимание преимущественно на одной части тела преступников – на их голове; характерные для преступников признаки старались найти прежде всего в особенностях их черепа и лица. Самые ранние попытки научного изучения преступника и направлялись именно к тому, чтобы уловить все особенности внешнего вида преступников и прежде всего их черепа и лица. Первой попыткой этого рода было френологическое учение Галля, возникшее в 20-х годах XIX столетия. Галль исходил из мысли, что полушария большого мозга представляют собою собрание отдельных органов, из которых каждый служит центром для той или иной способности души. Все способности или склонности человека прирожденные и стоят в прямой зависимости от строения и развития органа, через посредство которого они выражаются.

Измерив и рассмотрев череп, думал он, можно определить умственные и нравственные качества человека. Если у человека, судя по выпуклостям, впадинам и соотношению частей черепа, развит, например, инстинкт разрушения или хищничества, он станет

разбойником или убийцей; если у него развит орган храбрости, он будет мужествен и т. д.

Мысль, что преступники, или, по крайней мере, значительный процент их, являются носителями своеобразного внешнего типа и что задача научного изучения заключается именно в том, чтобы открыть специфические, т. е. исключительно преступникам свойственные внешние признаки, не умерла вместе с френологией, а продолжала существовать и после Галля, достигнув апогея в своем развитии в учении Ломброзо и его последователей. Основная мысль сочинения Ломброзо «О преступном человеке» заключается в том, что типичный преступник представляет собою особую разновидность человеческого рода, отличающуюся от остальных людей, прежде всего, своей своеобразной анатомо-физиологической структурой. Изучение последней и составляет задачу уголовной антропологии. Школа Ломброзо учит, что существует особый антропологический тип преступника или, вернее, несколько антропологических типов преступников. Около 40 % преступников составляют преступники прирожденные. Прирожденный преступник, по учению Ломброзо, есть прежде всего анатомо-физиологический тип, т. е. субъект, отмеченный целым рядом своеобразных анатомических и физиологических признаков. Во всех частях его тела Ломброзо и его школа находят ряд характерных аномалий. Они измеряют преступника буквально с головы до пяток и всюду находят особенности. Одни из этих особенностей носят внешний характер и определяются прямо путем измерений соответствующей части тела на живых и мертвых людях, другие – скрыты внутри организма и обнаруживаются при вскрытии трупов. При этом в перечислении отличительных черт анатомии прирожденного преступника нет определенной системы. В беспорядке излагаются признаки самого разнообразного анатомического и биологического значения. «Перечисляя и описывая признаки установленного им типа, – говорит про Ломброзо проф. Зернов, – он перемешивает и ставит рядом признаки совершенно разного биологического значения, не заботясь осмыслить сколько-нибудь их выбор и, видимо, стремясь импонировать читателю только численностью их».

Массу особенностей Ломброзо нашел прежде всего в черепе прирожденных преступников – и почти в каждой кости черепа, и в его общем строении и очертании. Вообще у преступников, особенно у воров, преобладают небольшие черепа, черепа наибольшей вместимости попадают у них редко.

У прирожденных преступников часто наблюдаются: асимметрия черепа, сравнительное уменьшение передней части черепа, выстояние лица слишком вперед, или так называемый прогнатизм в 69 % случаев, различные отклонения формы черепных и лицевых костей.

У преступников, особенно у воров, часто встречаются скошенный лоб, а также сравнительно малая величина лобной кости, сравнительно более длинный лицевой скелет, сильное развитие надбровных дуг, лобной кости и сосцевидных отростков височной кости, сильное развитие нижней челюсти и аномалии ушей; например, у 25 % прирожденных преступников Ломброзо и Граденико нашли приращение ушной дольки к щеке.

В сфере физиологической, в отправлениях разных органов тела Ломброзо находит у прирожденных преступников также массу особенностей. Он доходит даже до того, что утверждает, что выделения организма прирожденного преступника иные, чем у случайного преступника и непроступных людей. Прирожденный преступник менее, чем они, выделяет мочевины и более против нормы фосфатов. И в походке прирожденного преступника есть особенность: левый шаг у него длиннее правого и, кроме того, левая ступня образует с осевой линией больший угол, чем правая; те же особенности замечаются и у эпилептиков. Как замечено выше, прирожденный преступник обыкновенно левша, и правое полушарие мозга работает у него более, чем левое. Непреступный человек мыслит левым, прирожденный преступник – правым полушарием мозга. Поэтому у него наблюдается преобладание моторных процессов с левой стороны.

Недостаточная чувствительность и большая острота зрения сближают преступников с дикарями. Обоняние у преступников отличается большой остротой, особенно у преступников против половой нравственности, но вкус несколько притуплен.

Особенное значение придает Ломброзо и его школа притупленной чувствительности прирожденных преступников к боли, так называемой аналгезии, и вообще их пониженной чувствительности. Он приводит поразительные примеры нечувствительности преступника к боли, а также нечувствительности к поранениям. Так, один вор перенес ампутацию ноги, не издав ни одного стога, а потом стал играть с обрезком. Один убийца, которому директор тюрьмы отказал в удовлетворении его просьбы, распорол себе рукояткой большой ложки живот, забрался на свою постель и умер, не издав ни стога. Убийца Декурб, желавший избежать Кайенны, нарочно изранил себе ноги; излеченный от этих ран, он пропустил посредством иглы через коленную чашку волос и умер от этого. «Я видел, – рассказывает Ломброзо, – как двое убийц, ненавидящих друг друга с давних пор и сделавших друг на друга донос, на прогулке подрались, при чем один укусил другому губу, а тот вырвал у противника волосы; оба потом жаловались не на раны, повлекшие за собой тяжелые последствия, а на то, что им не удалось докончить мщения». «Такою аналгезией объясняются мучительные способы самоубийства, практикуемые в тюрьмах, а также склонность к самоубийству даже у тех, которым остается всего несколько дней до освобождения из заключения, как то замечено в Мазасе». «Ею же объясняются некоторые странные явления из уголовной хроники, в особенности явления, называемые древними поэтами *invulnerabilitas*, т. е. недоступностью для поранения: я обозначил бы это более скромным медицинским термином *disvulnerabilitas* преступников, т. е. нечувствительностью их к поранению».

Аналгезией, полагает Ломброзо, объясняется то, что преступники сравнительно долговечны. Ею же Ломброзо и Ферри объясняют и недоразвитие у преступников чувства сострадания. «Видя страдания другого, – говорит Ломброзо, – мы при помощи нашей памяти испытываем те же ощущения; в нас отражаются, так сказать, эти страдания». «Отсюда рождается сострадание, которое мы считаем добродетелью». «Чем мы чувствительнее, тем более склонны к состраданию». «При врожденном понижении чувства боли и неприятных ощущений склонности к состраданию почти не замечается». С нравственной черствостью и нечувствительностью у

прирожденных преступников соединяются непредусмотрительность, в силу которой они недоступны влиянию угрозы уголовного закона, отсутствие нравственного чувства, раскаяния и угрызений совести, а также сильно развитое тщеславие, превосходящее даже тщеславие артистов и литераторов, мстительность и особая гордость. Страсти природенных преступников – страсть половая, страсть к игре, к лакомой еде и т. д. – отличаются необузданностью, непостоянством и насильственностью. Даже чувства и влечения благородные у многих из них принимают болезненный характер и отличаются неустойчивостью. Кроме того, природенным преступникам присуща склонность татуироваться. «Кроме большой распространенности, – говорит Ломброзо, – поражает и самый характер содержания татуировок: бесстыдство, хвастовство преступлением и странный контраст дурных страстей, наряду с нежными чувствами».

Прирожденный преступник – человек ненормальный, но не сумасшедший. С первого издания своего сочинения о преступном человеке Ломброзо отчетливо отличает его от душевнобольного. Прирожденный преступник – это особая разновидность рода человеческого. Первоначально Ломброзо признавал один общий тип природенного преступника; затем стал признавать их три: тип убийцы, вора и изнасилвателя. О тех же трех типах говорят и два других вождя антропологической школы – Энрико Ферри и Гарофало. Среди массы разнообразных признаков, которыми характеризуется каждый из указанных типов, антропологи-криминалисты придают важное значение лицу. Ферри прямо заявляет, что это – признак решающий. «Я настаиваю, – говорит он, – на преимущественном значении физиономии при диагностике преступного типа, потому что по одним аномалиям черепа или скелета можно отличить лишь дегенерата, или вообще ненормального человека от нормального, но нельзя по одним этим признакам отличить преступника от других дегенератов». Вот важнейшие из указываемых антропологами отличительных признаков физиономии преступников. Убийцы отличаются обыкновенно стеклянными, холодными глазами, налитыми кровью, большим, часто орлиным, загнутым вниз носом, развитыми

клыками, челюстями и скулами. Про воров Ломброзо говорит, что у них наблюдается особенная подвижность лица и рук, блуждающие маленькие глаза, сдвинутые брови, редкая борода, ушная раковина оттопыренная, поставленная углом, кривые, впалые, иногда курносые носы. Преступники против половой нравственности, насильники, отличаются блестящими глазами, вздутыми губами, женственными телодвижениями, разбитым или сиплым голосом. Прирожденные преступники отличаются также относительно большим размером лица, по сравнению с остальной частью черепа, в чем усматривается признак сравнительно низшего органического строения.

Ломброзо дал три объяснения прирожденной преступности. Эти объяснения даны им не как альтернативные, а как одно другое дополняющие. Согласно первому объяснению, прирожденная преступность есть проявление атавизма, т. е. воскресения в преступнике черт отдаленнейших наших предков-дикарей. Прирожденный преступник – дикарь в современном обществе, и во внешнем виде и строении тела дикаря и преступника Ломброзо находит немало общих черт (выпуклые скулы, большие челюсти, торчащие уши, ямка на затылочной кости и т. п.). Прирожденный преступник кажется ему похожим на тип монгола или лапландца. Другое объяснение прирожденной преступности у Ломброзо и его последователей следующее: прирожденного преступника не надо смешивать с сумасшедшим в тесном смысле этого слова, но в нем есть известные патологические черты, именно: он – нравственно-помешанный (*pazzo morale*), т. е. существо, лишенное нравственного чувства, чувства добра и зла, слепое в нравственном отношении. Черты нравственного помешательства и прирожденной преступности, утверждает Ломброзо, гораздо более распространены у детей, чем у взрослых, так как затем у некоторых они ступшевываются под влиянием воспитания. Вскоре Ломброзо наделил прирожденного преступника и еще одной чертой – эпилепсией; прирожденная преступность и нравственное помешательство, говорит он, не что иное, как специальные формы проявления эпилепсии.

Данное Ломброзо объяснение прирожденной преступности принимает и Ферри, который замечает, между прочим, что

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

Криминально-психологическое изучение преступника, его задачи, необходимость и значение3

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Преступный тип 11

ГЛАВА ВТОРАЯ

Два основных преступных типа: эндогенные и экзогенные преступники. Общая их характеристика32

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Основные и дополнительные признаки преступного типа.....80

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Экзогенные преступники107

ГЛАВА ПЯТАЯ

Эндогенные преступники. Главные их разновидности. Общая характеристика.....128

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Импульсивные преступники138

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Эмоциональные преступники256

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Преступники расчетливые рассудочные. Резонеры и идейные преступники275

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

К вопросу о программе криминально-психологического исследования297

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Сергей Викторович ПОЗНЫШЕВ

МОТИВ
УБИЙЦЫ
О ПРЕСТУПНИКАХ
И ЖЕРТВАХ

(Російською мовою)

Підписано до друку 07.12.2021 р. Формат 60x84 1/16.
Друк цифровий. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 19,0. Тираж 300 прим.

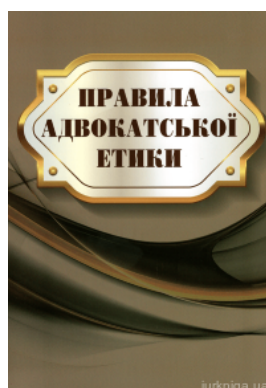
ТОВ «КНТ»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 581 від 03.08.2001.

Книги, які можуть вас зацікавити

Психологія
оперативно-розшукової
діяльності в схемах і
таблицях:
навчально-наочний
посібник

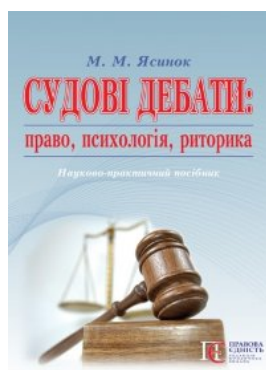
Правила адвокатської
етики

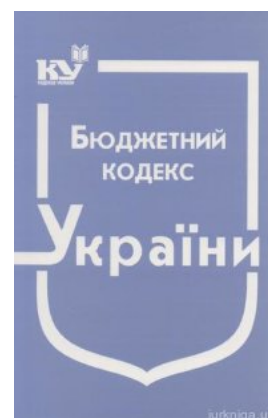
Житловий кодекс
України

Податковий кодекс
України. Алерта

Судові дебати: право,
психологія, риторика

Бюджетний кодекс
України

Перейти до галузі права
Кримінальне право та процес

[Перейти на сайт →](#)